

Первый указатель китайских сказок (1876)

Аглая Б. Старостина

*Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия, abstarostina@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены источники и специфика первой попытки систематического описания китайского фольклора для сравнительных целей. Помещенный в 12-й главе монографии Н.Б. Денниса «Фольклор Китая» (1876) указатель китайских сказок и легенд был составлен на основе схемы С. Баринг-Гулда, приложенной к собранию английского фольклора У. Хендерсона (1866). В свою очередь, Баринг-Гулд усовершенствовал модель, созданную Й.-Г. фон Ханом и опубликованную в первом томе его собрания греческих и албанских сказок (1864). Указатель 1876 г. короче своих предшественников: в нем насчитывается 15 «корней» (которые примерно соответствуют сюжетным типам). Девять из них Деннис выделил самостоятельно; у фон Хана таких типов было 40, а у Баринг-Гулда – 51. Если фон Хан и Деннис в своих построениях учитывали позицию миграционистов, то Баринг-Гулд исходил только из ранних представлений мифологической школы о едином древнем источнике индоевропейского фольклора. Деннис располагал более широкой перспективой, которая позволила ему учитывать в книге параллели между мифологическими традициями всех обитаемых континентов; но в указателе он сопоставляет китайские сказки преимущественно с индоевропейскими, в чем сказалось влияние популярной в 1870-е гг. среди синологов школы «сино-арийства».

Ключевые слова: китайский фольклор, типология сюжетов, история фольклористики

Для цитирования: Старостина А.Б. Первый указатель китайских сказок (1876) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 4. С. 91–111. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-91-111

First index of Chinese tales (1876)

Aglaya B. Starostina

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, abstarostina@gmail.com*

Abstract. The article examines the sources and specifics of the first attempt at a systematic description of Chinese folklore for comparative purposes. The index of Chinese folk tales in the 12th chapter of NB Dennis's monograph "The Folklore of China" (1876) was based on a scheme by S. Baring-Gould, attached to the collection of English folklore by W. Henderson (1866). In turn, Baring-Gould improved the model created by J.-G. von Hahn that was published in the first volume of the Greek and Albanian tales' collection (1864). The 1876 index is shorter than its predecessors: it has 15 "roots" (approximately corresponding to the tale types), 9 of which Dennis identified himself; von Hahn had 40 such types, and Baring-Gould had 51. If von Hahn and Dennis in their constructions considered the position of migrationists, Baring-Gould proceeded only from the early ideas of the mythological school about a single ancient source of Indo-European folklore. Dennis had a broader perspective that allowed him in his book to take into account the parallels between the mythological traditions of all inhabited continents; however, in the index, he compares Chinese tales mainly with Indo-European, which reflects the influence of the "Sino-Aryan" movement, popular among Sinologists in the 1870s.

Keywords: Chinese folklore, typology of plots, history of folklore studies

For citation: Starostina, A.B. (2022), "First index of Chinese tales (1876)", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 4, pp. 91–111, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-91-111

Середина XIX в. была временем, когда западные исследователи открыли для себя китайский фольклор. Одним из последствий тяжелого процесса включения Китая в глобальную экономическую систему с помощью европейской экспансии было знакомство Запада с китайской культурой. Многие оказавшиеся в этот период в Китае, до того практически закрытом уже более столетия, европейцы и американцы – и ученые, и любители, которые следили за деятельностью собирателей фольклора в других странах, – воспользовавшись возможностью, обратились к сбору и изучению легенд, сказок, песен и обычаев, преимущественно на территории договорных портов и в их окрестностях. За три десятилетия был собран внушительный объем материала; чаще всего он публиковался в журналах, время от времени находя дорогу в книги – путе-

вые записки или заметки о нравах и обычаях китайцев. «Фольклор Китая и его сходства с фольклором арийской и семитской рас» (The Folk-Lore of China, and Its Affinities with that of the Aryan and Semitic Races) Н.Б. Денниса стал первой монографией, посвященной китайскому фольклору¹. В этой книге на нескольких страницах уместилась схема, которую можно назвать первым указателем сюжетов китайских сказок. Истоки появления этого указателя, его структура и содержание практически не были описаны ранее.

В то время как материалы Денниса использовались исследователями китайского и мирового фольклора в течение столетия с лишним, о происхождении его указателя за все время, прошедшее с его появления, едва ли было написано больше двух-трех абзацев. Для западных фольклористов 1880–1900-х гг. генеалогия схемы Денниса была очевидной, но с появлением указателя Аарне ситуация изменилась, и о его менее совершенных предшественниках стремительно забыли. Уже в «Примечаниях к сказкам братьев Grimm» Й. Больте и Й. Поливки говорится о том, что Деннис нашел в Китае 15 известных ранее международных сказочных типов, что как минимум неточно и свидетельствует о незнакомстве с происхождением и характером его указателя². Чжао Цзиншэнь, впервые привлечший внимание китайских фольклористов к указателю Денниса, ошибочно считал его основанным на типологии Дж. Джейкобса, появившейся в 1914 г.³ (см.: [Старостина 2021, с. 203–204]). Эту ошибку Чжао Цзиншэня некритически цитирует и современный фольклорист Линь Цифу, к тому же неверно указывающий число «корней» в указателе Денниса (которого он называет «Денни») [Линь 2003, с. 88]. Единственная работа, где в связи с указателем в «Фольклоре Китая» кратко упоминается лежащая в его основе разработанная английским исследователем С. Баринг-Гулдом схема, – это статья Ци Линъюня об истории типологии китайских сказок [Ци 2018]. Но о фоне, на котором появились указатели Баринг-Гулда и Денниса, и об их структурных особенностях ничего нет и у Ци Линъюня. Настоящая статья призвана закрыть этот пробел.

¹ *Dennys N.B.* The folk-lore of China, and its affinities with that of the Aryan and Semitic races. L.: Trübner and Company, 1876. 156 p.

² *Bolte J., Polivka G.* Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd. 5. Leipzig: Dieterische Verlagsbuchhandlung, 1932. S. 208.

³ Чжао Цзиншэнь. Чжунго миньцзянь гуши синши фадуань – Инго Тань Лэ яньцзю дэ цзего [Начало типологии китайских народных сказок: результаты исследований Денниса] // Миньсу. 1928. № 8. С. 1–10.

Схема Й.Г. фон Хана

Стремление к тотальной систематизации в естественных науках усилилось на Западе с середины XVIII в. Под влиянием естественных наук и в гуманитарных дисциплинах постепенно начались процессы объединения прежде разрозненной информации, поиска системных взаимосвязей и выделения структурных уровней. Так возникло языкознание, а оно, в свою очередь, способствовало становлению фольклористики как науки.

Богатый материал, собранный любителями «народных древностей», обладал для них и исторической, и политической ценностью; кроме того, они осознавали, что имеют дело с быстро исчезающей народной памятью. Уже в первой четверти XIX в. стало ясно, что он нуждается в систематизации: в изобилии сведений было сложно ориентироваться, а определение типологических и генетических связей удавалось только интуитивно. Первые подходы к систематизации и в языкознании, и в фольклористике были сделаны под влиянием эволюционизма, возобладавшего в науках о жизни. Представители мифологической школы говорили о том, что современные нам сказки и легенды представляют собой позднейшие формы, которые восходят к древнему мифопоэтическому мировоззрению. Изучая их, мы восстанавливаем первоначальный облик той или иной мифологической традиции. Если мифопоэтическое мировоззрение было основано на осмыслении доступных непосредственному опыту природных явлений, по этому принципу можно классифицировать его элементы; такой подход демонстрирует, например, оглавление «Германской мифологии» Якоба Гримма.

Первый шаг к формализации исследований мифа и сказки сделал австрийский дипломат Й.Г. фон Хан (Johann Georg von Hahn, 1811–1869). Долгое время прожив в Греческом королевстве и в Османской империи, он приобрел квалификацию языковеда, стал основоположником албанистики [de Rapper 2017, pp. 186–187], а также собрал материал для двухтомника «Греческие и албанские сказки» (Griechische und albanesische Märchen)⁴.

Следуя Я. Гримму, тесно объединившему языкознание и изучение мифологии и фольклора, фон Хан был уверен, что родственные языки необходимо связаны с родственными мифологическими системами. Язык на самых ранних стадиях своего развития всегда мифологичен; «первый человек по необходимости был

⁴ Hahn J.G., von. Griechische und albanesische Märchen. Bd. 1–2. Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1864.

поэтом, так как не был способен ни к какой иной форме мысли»⁵. Сознание развивается, а с ним трансформируются и мифологические представления. Сказки, в конечном счете, суть видоизменения древних повествований о богах и героях.

Фон Хан писал, что мифы и сказки отличаются лишь формой, которая органически изменяется вместе с обстоятельствами жизни общества и идет к большей наглядности. От мифов о богах люди переходят к сказаниям о героях; и самая молодая мифологическая форма – это сказка. За ней по этой логике уже идут повествования, полностью лишённые фантастических элементов или сохранившие их лишь частично. Древние мифологические сюжеты развиваются по одной логике у разных родственных народов, образуя родственные или даже идентичные сказки. В первую очередь фон Хана интересовали соответствия в германской и древнегреческой мифологиях, которым была посвящена его предыдущая работа «Мифологические параллели» (*Mythologische Parallelen*, 1859).

Фон Хан, однако, был знаком с недавно вышедшим предисловием Т. Бенфея к «Панчатантре», представившим научному миру миграционную теорию⁶. Бенфей предлагал другое объяснение сходствам сказочных сюжетов, ставя во главу угла их миграцию на Запад и Восток. Фон Хан оценил аргументацию эрудированного автора и был готов признать миграции сказок из Индии в Европу для некоторых случаев, но не отказывался от теории укорененности сказки в древнем арийском единстве и считал не особенно вероятными массовые заимствования сказочных сюжетов. Опыт собирателя подсказывал ему, что люди рассказывают сказки неохотно, представителю чужой культуры случайно услышать сказку практически невозможно, для этого нужны целенаправленные усилия. Это заставляло его усомниться в легкости распространения и усвоения инокультурных сюжетов, которую предполагали исследования Бенфея. Кроме того, сомнения у фон Хана вызывала и предполагаемая устойчивость странствующих сказок⁷.

Во всяком случае, работа Бенфея побудила фон Хана углубиться в поиски общей методологии, на основе которой можно было бы обсуждать фольклор и мифологию разных народов. Бенфей говорил о незначительном количестве базовых форм европейской сказки⁸. С этим наблюдением фон Хан был согласен и решил на нем основать научное изучение сказки, которое должно было

⁵ Ibid. Bd. 1. S. 21.

⁶ *Benfey Th. Panchatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen, und Erzählungen.* Leipzig: F.A. Brockhaus, 1859. 1167 s.

⁷ *Hahn J.G., von.* Op. cit. Bd. 1. S. 10–16.

⁸ *Benfey Th.* Op. cit. S. XXVI.

прояснить ее древние арийские источники. Здесь стоит заметить, что среди причин, по которым научное изучение сказки, предложенное фон Ханом, приняло именно те формы, о которых будет сказано ниже, могло быть появление в том же 1859 г., что и «Панчатантра» Бенфея, «Происхождения видов путем естественного отбора» Ч. Дарвина (немецкий перевод вышел в 1860).

Разрабатывая базовую терминологию, фон Хан отмечает наличие элементарных и более сложных, составных, сказок; для последних он предлагает название *Märchenkette* – цепочки сказок. Отдельную сказку фон Хан делит на элементы, названные им «ходами» (*Züge*): они формируют сказку подобно тому, как слова формируют предложение. Эти ходы могут перемещаться из одной сказки в другую, усложняя ее. Новые сказочные ходы, по его убеждению, в наши дни уже практически не появляются, однако люди располагают огромным банком старых ходов, которые адаптируют к современным реалиям и потребностям сказок⁹.

Все сказки можно свести к ограниченному числу формул, и кажущееся разнообразие сказок объясняется лишь различной конфигурацией ходов. Опираясь на коллекцию формул, обозначающих эти «базовые формы», можно приступить к классификации, которая в конечном счете позволит охватить всю самоорганизующуюся систему сказок. Фон Хан надеялся, что его опыт будет продолжен другими исследователями, которые найдут еще не обнаруженные им формулы¹⁰. На таком основании он создал свой указатель, который С. Томпсон позже назвал «первой попыткой логически упорядочить сказки» [Thompson 1977, p. 414].

В указателе фон Хан перечисляет сорок «формул» (*Formeln*), которые делит на три группы: «семейные» (всего 22), «смешанные» (всего 14) и «дуалистические, основанные на противостоянии внутреннего и внешнего миров» (всего 4)¹¹. Группы дробятся на подгруппы (у которых иногда есть собственные подгруппы следующего уровня). Каждая группа имеет четыре уровня сюжетов и пятый уровень ходов. Иногда формулы имеют название, чаще всего – по какому-либо древнегреческому или германскому мифу, а в других случаях обозначены чисто описательно («вторая жена продает первой право быть с мужем в течение трех ночей и в результате его теряет»). Система не полностью выверена: так, формула под названием «Скилла» встречается дважды – соответственно под номерами 19 и 31. Это разные сюжеты, объединенные только мотивом женского вероломства. Недостаточность данных

⁹ Hahn J.G., von. Op. cit. Bd. 1. S. 40–44.

¹⁰ Ibid. S. 43.

¹¹ Ibid. S. 45–61.

приводит к тому, что индивидуальные формулы в некоторых случаях совпадают с подгруппами.

Выделенные фон Ханом ходы часто довольно сложны. Так, формулу «Белоснежка» (Schneewittchenformel) он делит на два следующих хода:

а) после нескольких неудачных попыток мачехе удается погубить изгнанную из отцовского дома падчерицу, более красивую, чем она сама; б) умершую находит герой; воскреснув, она выходит за него замуж, а мачеха подвергается наказанию¹².

К каждой из формул фон Хан приводит параллели из древнегреческих и германских мифов, греческих и немецких сказок, албанских, валашских, литовских, неаполитанских, сербских и индийских сказок в разных наборах. Неизменны в каждом случае только древнегреческие и германские мифы. Даже если параллелей не находится, автор каждый раз эксплицитно указывает на это¹³.

Схема С. Баринг-Гулда

Через два года после двухтомника фон Хана вышло первое издание будущего бестселлера – «Заметки о фольклоре северных графств Англии и приграничных территорий» (Notes on the Folk Lore of the Northern Counties of England and the Borders) У. Хендерсона (William Henderson, 1813–1891)¹⁴. Ее составитель, фабрикант и общественный деятель, посвятил немало лет собиранию фольклора; наблюдая исчезновение старинных поверий и обычаев, он хотел сохранить как можно больше для потомства¹⁵. Младший друг Хендерсона, которого он привлек к составлению книги, поставил перед собой задачу научной классификации сказок. С. Баринг-Гулд (Sabine Baring-Gould, 1834–1924), священник, агиограф, писатель и фольклорист, к этому времени, помимо прочего, уже был автором знаменитой вплоть до нашего времени «Книги оборотней» (Book of Were-Wolves, 1865). Он знал работу фон Хана и взялся расширить его указатель, пользуясь материалом английских сказок.

¹² Ibid. S. 50.

¹³ Упрощенное изложение схемы фон Хана на английском языке приводит У. Ралстон (Ralston W.R.S. Notes on folk-tales // The folk-lore record. 1878. Vol. 1. No. 1. P. 77–78).

¹⁴ Henderson W. Notes on the folk lore of the Northern counties of England and the borders. L.: Longmans, Green, 1866. 344 p.

¹⁵ Ibid. P. XXVI–XXVII.

Указатель Баринг-Гулда под названием «Радикалы историй» (Story radicals) был напечатан в качестве приложения к книге Хендерсона¹⁶, но о том, что его основой послужила работа австрийского ученого, ничего сказано не было; точно так же не отмечено и его первенство в указаниях на сходство некоторых сказочных сюжетов. Впрочем, происхождение схемы Баринг-Гулда от модели фон Хана быстро заметили¹⁷. Сам Баринг-Гулд предпочитал ссылаться непосредственно на Я. Гримма – «великого Гримма, который увидел в этих историях для детей фрагменты древней мифологии»¹⁸.

Имя Т. Бенфея в книге не упомянуто ни разу, его теоретические разработки, по-видимому, не произвели на Баринг-Гулда впечатления. Он основывается на презумпции общего индоевропейского источника фольклора, особенности которого обусловили схожесть сказочных сюжетов у разных народов. Миграционную теорию исследователь игнорирует.

Как и фон Хан, Баринг-Гулд, говоря о том, что параллели в сказках отражают историческое родство разных мифологических традиций, отсылает читателя к сравнительному языкознанию. «Во всех родственных языках находятся одни и те же корни, которые, как бы сильно они ни менялись, могут быть определены и сведены к их элементарной форме. То же самое можно сказать и о сказках. У всех народов одной расы есть истории, сходствующие в одних деталях и разнящиеся в других, но в них безошибочно присутствует фундаментальное единство, которое позволяет легко свести их к первоначальному корню. Кто усомнится, что *jardin* и *garden* идентичны по значению, пусть их написание и произношение и несколько различны?»¹⁹.

Баринг-Гулд расширил систему фон Хана, несколько изменив ее строение и введя собственную терминологию. «Формулы» стали у него «корнями» (roots), а ходы остались совершенно безымянными, хотя он тоже выделяет их и нумерует. Безымянные у фон Хана подгруппы получили название «классов», а следующий, тоже безымянный ранее, уровень – «секций»; вслед за секциями идет никак не поименованный и Баринг-Гулдом уровень, который для удобства здесь мы назовем подсекциями. Три главные группы превратились в две: «дуалистические» формулы объединились со «смешанными», образовав группу «Разное» (Various).

¹⁶ Ibid. P. 299–311.

¹⁷ Denton W. Introduction // Mijatović E.L. Serbian folk-lore. L.: Isbister, 1874. P. 6; Ralston W.R.S. Notes on folk-tales // The folk-lore record. 1878. Vol. 1. No. 1. P. 76.

¹⁸ Henderson W. Op. cit. P. 299.

¹⁹ Ibid. P. 300.

Уровней системы у Баринг-Гулда уже пять; если считать безымян- ные ходы, то шесть.

Чтобы примерно понять, какие исправления были внесе- ны в прошлую схему, достаточно рассмотреть подгруппы части «Семья». Фон Хан выделял в ней пять подгрупп: супружес- кую, родительско-детскую, сиблинговую, «Берту» (в подгруп- пе единственный сюжет, в центре которого подменная невест- та) и «зятьев» (здесь тоже только один сюжет – о трех принцах в образе животных). У Баринг-Гулда четыре класса: супружеский, родительско-детский, сиблинговый и относящийся к женихам и невестам (*persons betrothed*). «Берта» в этом более строгом ряду отнесена к первой секции четвертого класса, а «зятья» – к треть- ей секции третьего, сиблингового класса. Уже отсюда видно, что схема выиграла в последовательности. Что касается секций, то на этом уровне от предложенного фон Ханом деления почти ниче- го не осталось.

В версии Баринг-Гулда 51 корень против 40 формул фон Хана, причем почти все они имеют названия по известным ска- зочным, мифологическим или литературным сюжетам. Напри- мер, формула «обещанные» дети фон Хана (*Gelobungsformel* в подгруппе «желание иметь детей») у Баринг-Гулда превра- щается в подсекцию, где выделены два корня – «Змеиное дитя» и «Роберт-Дьявол». Секции «желание иметь детей» у Баринг-Гул- да нет совсем, относившиеся к ней формулы/корни отправлены в секцию «Чудесные дети».

Преимущество указателя фон Хана перед схемой Баринг-Гул- да, кажется, одно, но серьезное. Пользоваться схемой Баринг-Гул- да как указателем затруднительно, потому что он не указывает, в каких именно традициях и по каким источникам он нашел дан- ные для ее подкрепления. Это не указатель в собственном смыс- ле слова. Мы имеем дело с умозрительной конструкцией, которая вызывает к эрудиции читателя.

«Фольклор Китая» Н.Б. Денниса

Следующий раз разработанная фон Ханом система нашла при- менение через десять лет в колониальном Гонконге.

Н.Б. Деннис (*Nicholas Belfield Dennys*, 1839–1900), журна- лист, языковед-практик и служащий колониальной админист- рации, с энтузиазмом собирал сведения о китайских «суевериях, касающихся дней, месяцев и лет, о счастливых числах, талисма- нах, колдовстве, о новогодних обрядах, историях о призраках и сказках».

Книга о фольклоре вышла в свет в 1876 г., когда пошел четырнадцатый год его пребывания в Китае. В духе популярного среди синологов в 1870-е гг. «сино-арийства», представители которого искали и находили параллели в китайском и индоевропейских, а иногда даже семитских языках [Girardot 2002, pp. 153–157; Старостина 2021, с. 194–196], Деннис предполагал древнее родство между мифологическими представлениями китайцев и индоевропейцев.

Во введении к книге он говорит: «Многие из суеверий, как, конечно, и следует ожидать, представляются в равной мере ребяческими, найдутся ли они в корнуоллской деревне или в китайском городке; но от этого не менее занято узнать, что часто они бытуют в почти идентичном виде в местах, так далеко отстоящих друг от друга. Пишущего эти строки они более убеждают в существовании общего истока разных народов, чем сходства отдельных слов в соответствующих языках, часто недостоверные. Вероятно, будет обнаружено, что теория, возводящая большую часть европейского фольклора к восточной колыбели арийских народов, откуда он распространялся при их переселениях на запад, точно так же применима к фольклору Китая»²⁰.

Работая с китайской традицией, Деннис не мог не знать о нескольких волнах влияния индийской цивилизации на Китай и о многочисленных переводах индийских текстов на китайский язык. Он писал: «...сложно отрицать, что были приведены весомые основания для того, чтобы признать существование общего источника (индоарийской традиции. – А. С.), откуда фольклор как минимум двух континентов проистекает на восток и на запад потоками, никогда не иссякающими»²¹. Здесь совмещаются ранние представления мифологической школы о всеобщей колыбели индоевропейского фольклора и взгляды миграционистов, согласно которым сказочные сюжеты передаются от одного народа к другому, причем речь идет не об одном древнейшем событии, а о постоянном процессе.

Сравнительный материал, к которому Деннис прибегает в своей книге, богат, в нем присутствуют не только заявленные индоевропейские и семитские элементы, но и североамериканские, мезоамериканские, африканские, австралийские и самодийские. Так, Деннис указал, что в известных ему индоевропейских и семитских традициях лису не наделяют «демоническими силами», но представление о лисе как мифологическом вредителе, обладающем сверхъестественными силами, с китайцами и японцами

²⁰ *Dennys N.B.* Op. cit. P. 6.

²¹ *Ibid.* P. 7.

делят американские индейцы²². Никаких выводов из этих своих наблюдений он не делал. Но чаще всего Деннис обращался к сборникам английского фольклора, составленным в период с середины XVIII в. до самого последнего времени, точно так же, как фон Хан щедро черпал из сказок братьев Гримм.

Схема Н.Б. Денниса

В 12-й главе «Фольклора Китая» Деннис поместил схему, которую, как и Баринг-Гулд, озаглавил «Радикалы истории»²³. Главным источником вдохновения для нее была упомянутая выше работа У. Хендерсона, из которой он заимствовал структуру, незначительно ее видоизменив.

Деннис сопроводил свою схему ссылкой на книгу Хендерсона (но не учел, что приложение было составлено не им самим, а Баринг-Гулдом, невольно отомстив за несправедливость последнего по отношению к фон Хану). Точно так же, как Баринг-Гулд, Деннис не приводит никаких ссылок внутри самой схемы (за исключением двух случаев). К счастью, большинство сказок и преданий, на основании которых он выделял корни, собраны в этой самой 12-й главе. В нескольких случаях Деннис даже упоминает названия корней внутри текста, поэтому найти их несложно. В конце книги помещен предметный указатель, который при всей своей прискорбной лаконичности дополняет схему и помогает ориентироваться в богатом материале книги. Все эти особенности делают схему Денниса удобнее для пользования, чем гораздо более полный и логичный вариант Баринг-Гулда.

Располагая очень ограниченным числом сюжетов, Деннис значительно редуцирует разработанную до него систему. Ему не нужны большие группы – «Семья» и «Разное», из классов он сохраняет восемь (теряя само название «класс» и оставляя только нумерацию римскими цифрами), снимает все названия секций и подсекций. Таким образом, из групп, классов, секций, подсекций и корней Баринг-Гулда остаются только классы и корни. Корней Деннис выделяет 15, и только шесть из них присутствовали в классификации Баринг-Гулда. Кроме того, Деннис ввел три новых класса: «Люди в конфликте с природными явлениями», «Люди совершают выдающиеся героические поступки», «Растения и пр., вырастающие из части тела».

²² Ibid. P. 95–96.

²³ Ibid. P. 143–145.

Следующая таблица отражает устройство схемы Денниса. Колонка «Группы» выделена условно, поскольку, принимая модель Баринг-Гулда, о группах Деннис умалчивает. В колонке «Классы» серым выделены номинации, введенные самим Деннисом и отсутствующие у Баринг-Гулда (у фон Хана из классов, используемых Деннисом, есть только «Брак» и «Родители и дети»). Подразделения классов, которые Баринг-Гулд называет секциями, у Денниса отсутствуют. Третья, четвертая и пятая колонки демонстрируют обнаруженные Деннисом в китайской традиции корни и присутствие или отсутствие их в схемах фон Хана и Баринг-Гулда.

Устройство схемы Денниса

Таблица

Группа	Класс	Корень	Й. фон Хан	С. Баринг-Гулд
[Семья]	I. Брак	1. Пенелопа	+	+
		2. Женеви́ева	+	+
		3. Сванхвит	+	+
	II. Родители и дети	4. Соломонов суд	-	-
		5. Рея Сильвия	+-	+
[Разное]	II. Люди и невидимый мир	6. Ахерузия	-	-
		7. Город безмолвия	-	-
		8. Магический конфликт		+
		9. Геркулесов кубок	-	-
		10. Али-Баба	-	-
	IV. Люди в конфликте с природными явлениями	11. Волшебная гробница	-	-
	V. Человек против человека	12. Царица Дидона	-	-
	VI. Люди совершают выдающиеся героические поступки	13. Марк Курций	-	-
	VII. Люди и звери	14. Птица, зверь и рыба	-	+
	VIII. Растения и пр., вырастающие из части тела	15. Сокол, приносящий сому	-	-

Следует заметить, что в большинстве случаев Деннис не указывает источников сказок и легенд, использованных им для построения схемы.

Первыми в схеме Денниса идут три корня из «брачного» класса, присутствующие как у фон Хана, так и у Баринг-Гулда.

Простейший корень «Пенелопа» раскладывается так: а) муж оставляет жену дома, б) она верно ждет его, с) они *примиряются после некоторых недоразумений* (в варианте Баринг-Гулда третье звено проще – «он возвращается к ней», у фон Хана было «возвращение мужа и воссоединение разлученных»).

Деннис относит сюда сюжет, первые варианты которого были записаны в II–III вв. Байли Си, будущий министр циньского князя Му-гуна (VII в. до н. э.), был разлучен со своей женой, которая нашла его, когда попала во дворец как прачка и спела ему укоризненную песню. В неназванном источнике Денниса фигурирует также тридцатилетняя разлука, и героиня, мать взрослого сына, оказывается не прачкой, а портнихой. Скорее всего, это пересказ сюжета популярной в Гуандуне оперы «Байли Си узнает жену».

Следующий корень – «Женевьева» (оклеветанная жена; это название принадлежит фон Хану, который, видимо, имел в виду Женевьеву Брабантскую). В указателе фон Хана речь идет об оклеветанной матери, которую изгоняют, обвинив в рождении нечеловеческого дитяти. Баринг-Гулд убирает упоминание о ребенке, оставив лишь неуточненную клевету, в результате которой муж велит казнить жену, но она только отправлена в изгнание; в конце концов они примиряются. Деннис повторяет Баринг-Гулда. Этой модели в его коллекции соответствует короткая притча о женщине, оклеветанной мачехой мужа. Обвиненная в неверности, она должна покончить с собой. Но тут мачеху убивает молния, и все понимают, что жена была невинна.

В качестве варианта «Женевьевы» Деннис расписывает по ходам другую историю. Некий военный оставляет жену и мать, отправившись на войну. Через продолжительное время вернувшись и встретив возле дома свою жену, он решает проверить, верна ли она ему. Жена не узнает его; он представляется собственным другом и начинает оказывать ей чрезмерные знаки внимания. Она бросает ему песок в лицо и сбегает. Когда муж наконец возвращается домой, свекровь зовет героиню встретить его. Та, поняв, что только что не узнала мужа, пытается повеситься от стыда, но ее спасают.

Следующий корень, который Деннис взял в схеме Баринг-Гулда, это «Сванхвит». У фон Хана он носит название «Похищение одежды и лебединая дева» и помещен в группу «Смешанные формулы». Баринг-Гулд логично перенес его в группу «Семья»

и назвал «Сванхвит» в честь одной из лебединых дев в «Песни о Велунде». Деннису был известен только один вариант истории о лебединой деве, не собственно китайский, а записанный от жителя Рюкю: его в 1869 г. опубликовал С.У. Уильямс (Samuel Wells Williams, 1812–1884)²⁴. Деннис также проницательно заметил, что повествованиям о лебединых девах родствен популярный миф о Дун Юне и Небесной ткачихе (о ней подробно см.: [Idema 2009]).

В следующем классе, «родительско-детском», вводится новый корень – «Соломонов суд».

Деннис расписывает его следующим образом: две женщины спорят о ребенке; они обращаются к мудрому судье; он испытывает их; настоящая мать торжествует. В примере китайского Соломонова суда у Денниса судья предлагает матерям отдать ребенка ему, воспитать при управе и подготовить к карьере чиновника. Настоящая мать с радостью соглашается, а ее соперница отказывается; судья таким образом понимает, кто действительно желает ребенку добра²⁵.

Следующий по порядку корень в этом классе – «Рея Сильвия» (есть у Баринг-Гулда, но не у фон Хана, если не считать «Антиопу» – «оставление внебрачного ребенка матерью»). Сюда Деннис относит историю о ребенке, потерявшем родителей во время военной смуты, выращенном диким зверем и впоследствии добившемся успеха; очень краткая запись не дает возможности сделать предположения об источнике, однако подобных историй в китайском фольклоре и литературе немало²⁶. Деннис отмечает, что в Китае брошенного ребенка кормит тигрица, а не волчица²⁷.

Затем он переходит к третьему классу – «Люди и невидимый мир» (у Баринг-Гулда это первый класс второй группы) – и сразу же вводит два новых корня под названиями «Ахерузия» и «Город безмолвия». В округе Дэнчжоу (Шаньдун) бытовали представления о том, что обычные люди могут попасть в миражный город, показывающийся в морском тумане, аналогичные легендам германских народов о Винете. Этот город, по сведениям Денниса, могли отождествлять с царством мертвых. Корень «Ахерузия» раскладывается так: «Место, в которое могут

²⁴ Williams S.W. Journal of a mission to Lewchew 1801 // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. New Series. 1869–1870. No. 6. P. 149–171.

²⁵ Dennys N.B. Op. cit. P. 139.

²⁶ Ср.: *Ши Юй-кунь*. Трое храбрых, пятеро справедливых / Пер. с кит. В. Панасюка; предисл. и коммент. Б. Рифтина. М.: Художественная литература, 1974. С. 32–33.

²⁷ Dennys N.B. Op. cit. P. 142.

попасть и смертные, открывает доступ в преисподнюю; через него туда и обратно проходят духи; посетив его, смертный узнает тайны загробного мира»²⁸.

Использование названия «Город безмолвия» вместо обычного «Медный город» выдает в Деннисе читателя англоязычной выборки из «Тысячи и одной ночи», сокращенной и отредактированной (1847)²⁹. Этот корень разложен следующим образом: духи (*genii*) заточены смертными в сосуды, затем их освобождают, после чего они мстят освободителям или благодарят их. Деннису известна одна такая история, связанная с окружной управой в городе Чжаоцин (нынешняя провинция Гуандун). Злые духи превратились в камни, которые правитель округа сложил в глиняные сосуды. Когда один из сосудов через несколько столетий был разбит, духи вызвали наводнение в Чжаоцине; в следующий раз духам удалось вырваться на свободу и устроить восстание «красноголовых». Оно было подавлено, а духи каким-то образом снова водворены в глиняные сосуды в управе³⁰. Истории о судье или жреце, загоняющем злых духов в сосуд и запечатывающем их там, в Китае распространены и впервые были зафиксированы самое позднее в VIII в. [Старостина 2021, с. 200].

Затем следует корень «Магический конфликт», совпадающий с выделенным Баринг-Гулдом. В качестве примера Деннис приводит раннюю версию легенды о Белой змейке (бытующей и как сказка [Рифтин 1977, с. 455]), в которой белая и синяя змеи вступают в борьбу, белая побеждает, они обе обретают человеческий облик, и синяя становится служанкой белой.

Девятый корень – «Геркулесов кубок». Здесь Деннис сближает предание об индийском монахе «Бэй-Ду» («переплывающем в чаше»), впервые приведенное в «Жизнеописаниях достойных монахов» («Гао сэн чжуань», VI в.), с историей из «Мифологической библиотеки» Аполлодора (II, 5, 10), где Геракл пересекает Океан на кубке, который ему дал Гелиос.

Последний корень в классе «Люди и невидимый мир» тоже не имеет аналогов и озаглавлен «Али-Баба». Деннису была известна (снова неясно откуда) сказка о человеке по фамилии Чжан, нашедшем пещеру с сокровищами, где жил дух, который открывал ее с помощью слов: «Каменная дверь, откройся! Господин Гуйгу явился» (в оригинале строки рифмованные). Чжан привел туда

²⁸ Ibid. P. 143.

²⁹ Об этом издании см.: Kirby W.F. Contributions to the bibliography of "The Thousand and One Nights" (an appendix to volume 10 to: Richard F. Burton's translation of "The Nights". L.: Burton Club, 1886. P. 422).

³⁰ Dennys N.B. Op. cit. P. 130–131.

свою бабушку, которая не смогла выйти из пещеры. Когда он обратился к духу с просьбой вернуть бабушку, тот сказал, что она умерла, так как пещера требовала жертвы. Но теперь потомки погибшей женщины будут обладать властью над демонами. И действительно, впоследствии сын Чжана стал основателем южной ветви даосизма, придающей большое значение экзорцистским практикам³¹.

Классы с четвертого по восьмой каждый содержат только по одному корню.

Так, для выделенного им корня «Волшебная гробница» Деннис создает класс, которого не было у Баринг-Гулда, – «Люди в конфликте с природными явлениями». Этот корень он расшифровывает так: «Гробница обладает магической силой; предпринимается попытка ее открыть или войти в нее; попытка не удастся полностью или частично». Сюда отнесены две истории: о гробнице Конфуция и гробнице легендарного стратега Чжугэ Ляна (181–234). В первом случае могилу хотят вскрыть солдаты во время гонений на конфуцианство при династии Цинь, но их оружие притягивается к магнитной плите, которой она накрыта. Что касается гробницы Чжугэ Ляна, в ней были помещены статуи из магнита, которые не дали проникнуть внутрь основателю Минской династии Чжу Юаньчжану и его мудрому советнику Лю Бовэню (1311–1375)³². Деннис видит здесь параллель с легендами о могиле ученого Михаила Скотта (XII–XIII вв.), пользовавшегося репутацией чародея. Поскольку он называет Скотта «чудесным» (*wondrous*) вслед за Вальтером Скоттом, можно предположить отсылку к «Песни последнего менестреля». Согласно этой поэме Вальтера Скотта, чародей велел похоронить себя со своей волшебной книгой, и его могила была защищена могуществом святого Михаила.

Следующий новый корень, «Царица Дидона», Деннис относит к классу, который у Баринг-Гулда уже был: «Человек против человека». Название этого корня происходит от легенды об основании Карфагена: прибывшая в чужие края Дидона купила у царя Иарбанта столько земли, сколько вместит воловьша кожа. Деннис опирается на напечатанное в его журнале “The China Review” сообщение Э.В. Бретшнейдера (1833–1901), в эти годы врача при Российской духовной миссии в Пекине³³. Бретшнейдер пересказывает фрагмент из 323 цзюаня династической хроники «История Мин»

³¹ Ibid. P. 134–135.

³² Ibid. P. 135–136.

³³ *Bretschneider E.* Chinese intercourse with the countries of Central and Western Asia during the 15th century. Part 1 // *The China Review*. 1876. Vol. 4. No. 6 (May – June). P. 385–394.

(«Мин ши»), описывающий испанскую колонизацию Филиппин³⁴. «Китайские хронисты рассказывают интересную историю, связанную с первым поселением фоланцзи (франки, здесь – испанцы. – А. С.) в Люйсуне. Когда эти чужеземцы появились в этой стране, они преподнесли богатые дары правителю Люйсуну и попросили выделить им для строительства жилищ столько земли, сколько покроет бычья шкура. Правитель, не обидевшись на их просьбу, согласился. Тогда фоланцзи разрезали шкуру на узкие полосы и протянули их вокруг большого земельного участка»³⁵.

Стоит заметить, что, как показывает Э. Ньюмен [Newman 2017], несмотря на действительно широкое распространение в мире мотива K185.1 – «Приобретение земли обманом: измерение с помощью бычьей шкуры» (по указателю С. Томпсона), – в случаях, когда в нарративе инициаторами сделки выступают испанцы, португальцы или голландцы, разумно предположить, что он основывается на воспоминании о действительном применении «обмана Дидоны» колонизаторами.

Следующий класс («Люди совершают выдающиеся героические поступки»), состоящий из корня «Марк Курций», выделен самим Деннисом. Он приводит варианты для развития событий внутри этого корня: чтобы бездна закрылась, нужна человеческая жизнь – или человеческая кровь должна быть добавлена в сплав, чтобы выплавка удалась. Затем человек жертвует собой – или принужден стать жертвой насильно. Результат – успех предприятия. В качестве китайского примера этого корня Деннис приводит легенду о девушке, бросившейся в расплавленное железо во время выплавки большого колокола для большой пекинской Колокольной башни³⁶. Источником ему послужила заметка Дж.К. Стента (George Carter Stent, 1833–1884) о китайских легендах³⁷.

Седьмой класс у Денниса, «Люди и звери», соответствует третьему классу второй группы у Баринг-Гулда. В него попал корень «Птица, зверь и рыба», который тоже есть у Баринг-Гулда. Но если у Баринг-Гулда речь идет именно о трех благодарных животных,

³⁴ Мин ши [История Мин]. Шанхай: Хань юй да цыдянь чубаньшэ, 2004. С. 6752.

³⁵ Бретшнейдер Э. Азия и Европа в эпоху Средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII–XVII вв. / Пер. И.В. Кучумова. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 177.

³⁶ Dennys N.B. Op. cit. P. 133–134.

³⁷ Stent G.C. Chinese legends // Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society. 1872. Vol. 7. P. 185–188.

последовательно помогающих герою, у Денниса везде стоит единственное число.

Для этого корня он приводит примеры:

- 1) с птичкой, которую вылечили от нанесенной стрелой раны, а она затем принесла благодетелю желтые цветы, в свою очередь исцелившие его от болезни;
- 2) с другой птичкой, спасенной человеком из когтей хищника, – она в благодарность принесла избавителю четыре браслета;
- 3) с раненой змеей, которую спас император Хэ-ди, – она вознаградила его драгоценным камнем.

Последний класс («Растения и пр., вырастающие из части тела») тоже отсутствует у Баринг-Гулда. Он состоит из корня «Сокол, приносящий сому»: существо совершает замечательное деяние; часть его тела – из-за его собственных или из-за чужих действий – оказывается на земле, пускает корни, из которых вырастает растение. Растение становится почитаемым. В качестве примера Деннис приводит известную легенду о чайных кустах, выросших из век Бодхидхармы, которые тот вырвал в досаде, когда обнаружил, что уснул во время медитации. Деннис сближает ее с историей о когтях сокола, похитившего сому, из которых выросло священное дерево³⁸.

Как и Баринг-Гулд, Н.Б. Деннис не дает определений базовым элементам своего указателя. Как и фон Хан до него, он создает классы для единичных «корней», затрудняясь отнести их к существующим; у Баринг-Гулда есть секции, состоящие из одного корня, но не классы, однако Деннис, сам того не зная, возвращается к более рыхлой структуре схемы фон Хана.

Несмотря на то что в схеме Денниса потеряна относительная стройность, приданная Баринг-Гулдом первоначальной конструкции фон Хана, он был первым систематизатором китайского фольклора. Предпринятая им, пусть краткая и неточная, попытка формализованной записи сюжетов сказок избавила фольклористов, незнакомых с китайскими сказками, от необходимости по крайней мере в некоторых случаях просеивать наугад массивы опубликованных в разных периодических изданиях и сборниках сообщений.

В заключении 12-й главы, в которой помещен его указатель, Деннис пишет: «Не утверждая, что все китайские версии перечисленных выше легенд имеют то же происхождение, что и сходные с ними европейские, и оставляя объяснение материала, рассмотренного в этой единственной главе, более компетентным ученым,

³⁸ *Топоров В.Н.* Кришану // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 15.

я полагаю, что эти примеры сходства между западными и китайскими историями достойны внимания»³⁹. Свою задачу – вписать китайские сказки и легенды в широкий контекст евразийского фольклора и привлечь к ним внимание специалистов – Деннис выполнил.

Заключение

Схема, разработанная Н.Б. Деннисом, стала первым указателем по китайскому фольклору. Она непосредственно наследовала схеме С. Баринг-Гулда, а та, в свою очередь, представляла собой переработанный и усложненный указатель Й.Г. фон Хана. В задачи фон Хана и Баринг-Гулда входило систематическое описание сказок и подтверждение родства разных ветвей индоевропейской традиции.

Если указатель фон Хана, как было показано выше, был плодом взаимодействия идей мифологической и миграционной школ, то Баринг-Гулд игнорировал разработки Бенфея и настаивал на том, что сказки суть «драгоценное наследство, полученное от наших первоначальных предков до того, как они расстались, образовав отдельные народности»⁴⁰. Для Денниса же нет противоречия между представлением о едином древнем источнике фольклора и мифов и уверенностью в том, что взаимодействие между разными фольклорными традициями не прекратилось в древности, но осуществляется постоянно.

Сам Деннис под воздействием «сино-арийства» ставил вопрос о единой системе, объединяющей индоевропейские, семитские и китайские фольклорные традиции. Индия для него – источник, откуда сюжеты распространяются и на Запад, и на Восток; однако он отмечал и внутренние взаимодействия в кругу влияния китайской культуры, допускал типологические, а не генетические параллели и в целом был более свободен в своей «беспартийной» и любительской позиции. С целью привлечь внимание ученых к собранному в области китайского фольклора данным он разработал для них свою классификацию, основываясь на схеме Баринг-Гулда. Так было заложено основание систематизации сюжетов китайского фольклора.

³⁹ *Dennys N.B.* Op. cit. P. 145.

⁴⁰ *Henderson W.* Op. cit. P. 299.

Литература

- Линь 2003 – *Линь Цифу*. «Чжунго миньцзянь гуши лэйсин соинь» яньцзю дэ пипин юй фаньсы [Критика и рефлексия по поводу «Указателя типов китайских народных сказок»] // Сысян чжаньсянь [Идеологический фронт]. 2003. Т. 29. № 3. С. 88–93.
- Рифтин 1977 – *Рифтин Б.Л.* Источники и анализ сюжетов дунганских сказок // Дунганские народные сказки и предания. М.: Восточная литература, 1977. С. 403–505.
- Старостина 2021 – *Старостина А.Б.* Николас Белфилд Деннис как пионер сравнительного изучения китайского фольклора // Ориенталистика. 2021. № 4(1). С. 190–211.
- Ци 2018 – *Ци Линъюнь*. Та шань чжи ши юй бэнь ту чжи гэнь: гуши лэйсин сюэ цзай Чжунго дэ ицзе юй яньцзю [Камни с чужих гор и корни нашей земли: переводы и исследования в области типологии сказок в Китае] // Миньцзю вэньсюэ яньцзю [Исследования народной литературы]. 2018. № 4. С. 46–55.
- de Rapper 2017 – *Rapper G., de*. Introduction. A new foundation for the anthropology of Albania // *Ethnologie française*. 2017. Vol. 47. P. 181–192.
- Girardot 2002 – *Girardot N.J.* The Victorian translation of China. James Legge's Oriental pilgrimage. Berkley: University of California Press, 2002. 780 p.
- Idema 2009 – *Idema W.L.* Filial Piety and its Divine rewards. The legend of Dong Yong and weaving maiden with related texts. Indianapolis: Hackett Publishing, 2009. 108 p.
- Newman 2017 – *Newman A.* The Dido story in accounts of early modern European imperialism, An anthology // *Itinerario*. 2017. Vol. 41. No. 1. P. 129–150.
- Thompson 1977 – *Thompson S.* The folktale. Berkley: University of California Press, 1977. 510 p.

References

- Girardot, N.J. (2002), *The Victorian translation of China. James Legge's Oriental pilgrimage*, University of California Press, Berkley, CA, USA.
- Idema, W.L. (2009), *Filial Piety and its Divine rewards. The legend of Dong Yong and weaving maiden with related texts*, Hackett Publishing, Indianapolis, IN, USA.
- Lin, J. (2003), "The criticisms and rethinking of the 'Type index of Chinese folktales' ", *Sixiang zhanxian* [Ideological front], vol. 29, no. 3, pp. 88–93.
- Newman, A. (2017), "The Dido story in accounts of early modern European imperialism. An anthology", *Itinerario*, vol. 41, no. 1, pp. 129–150.

- Qi, L. (2018), "Stones from foreign mountains and the roots of our land: translation, introduction and research in the field of typology of fairy tales in China", *Minzu wenxue yanjiu*, vol. 4, pp. 46–55.
- Rapper, G., de (2017), "Introduction. A new foundation for the anthropology of Albania", *Ethnologie française*, vol. 47, pp. 181–192.
- Riftin, B.L. (1977), "Sources and plot analysis of the Dunganese tales", *Dunganskie narodnye skazki i predaniya* [Dungan folk tales and legends], Vostochnaya literatura, Moscow, USSR, pp. 403–505.
- Starostina, A.B. (2021), "Nicholas Belfield Dennys as a pioneer in the comparative study of Chinese folklore", *Orientalistica*, vol. 4, no. 1, pp. 190–211.
- Thompson, S. (1977), *The folktale*, University of California Press, Berkley, CA, USA.

Информация об авторе

Аглая Б. Старостина, кандидат философских наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; abstarostina@gmail.com

Information about the author

Aglaya B. Starostina, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; abstarostina@gmail.com